

Кеннет Грэм
Грэм Бейкер-Смит

Ветер в ивах

книги
Вилли
Винки

Новые старые сказки

Кеннет Грэм

Ветер в ивах

«Издательство АСТ»

1908

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

Грэм К.

Ветер в ивах / К. Грэм — «Издательство АСТ», 1908 — (Новые старые сказки)

ISBN 978-5-17-116489-8

Одним чудесным солнечным днём, когда весна уже парила в воздухе, мистер Крот решил выбраться из своей уютной норки и посмотреть на мир вокруг. Вместе с дядюшкой Рэтом они садятся в лодку и отправляются в настоящее путешествие по реке. Шотландский писатель Кеннет Грэм очень любил рассказывать сказочные истории своему сынишке. Повесть о приключениях крота, барсука и жабы была опубликована в 1908 году, мгновенно завоевав сердца юных читателей. Иллюстрации для этого издания создал Грэм Бейкер-Смит — обладатель премии «Медаль Кейт Гринуэй» 2011 года. Это волшебная повесть о настоящей дружбе и захватывающих приключениях в классическом переводе Ирины Токмаковой. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-116489-8

© Грэм К., 1908

© Издательство АСТ, 1908

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвёртая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кеннет Грэм

Ветер в ивах

Kenneth Grahame
The Wind in the Willows

* * *

© Токмакова И.П., наследники, перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая На речном берегу

Крот ни разу не присел за всё утро, потому что приводил в порядок свой домик после долгой зимы. Сначала он орудовал щётками и пыльными тряпками. Потом занялся побелкой. Он то влезал на приступку, то карабкался по стремянке, то вспрыгивал на стулья, таская в одной лапе ведро с извёсткой, а в другой – малярную кисть. Наконец пыль совершенно запо-

рошила ему глаза и застряла в горле, белые кляксы покрыли всю его чёрную шёрстку, спина отказалась гнуться, а лапы совсем ослабели.

Весна парила в воздухе и бродила по земле, кружила вокруг него, проникая каким-то образом в его запрятанный в глубине земли домик, заражая его неясным стремлением отправиться куда-то, смутным желанием достичь чего-то, неизвестно чего.

Не стоит удивляться, что Крот вдруг швырнул кисть на пол и сказал:

– Всё!

И ещё:

– Тьфу ты, пропасть!

И потом:

– Провались она совсем, эта уборка!

И кинулся вон из дому, даже не удосужившись надеть пальто. Что-то там, наверху, звало его и требовало к себе. Он рванулся вверх по крутому узкому туннелю. Туннель заменял ему дорожку, посыпанную гравием и ведущую к главным воротам усадьбы, которая есть у зверей, живущих значительно ближе к воздуху и солнышку, чем Крот.

Он спешил, скрёб землю коготками, стремительно карабкался, срывался, снова скрёб и рыл своими маленькими лапками, приговаривая:

– Вверх, вверх, и ещё, и ещё, и ещё!

Пока наконец – хоп! – его мордочка не выглянула на свет, а сам он не заметил, как стал радостно кататься по тёплой траве большого луга.

– Ух, здорово! – восклицал он. – Здорово! Намного лучше, чем белить потолок и стены!

Солнце охватило жаром его шёрстку, лёгкий ветерок ласково обдул разгорячённый лоб, а после темноты и тишины подземных подвалов, где он провёл так много времени, восторженные птички трели просто его оглушили.

Крот подпрыгнул сразу на всех четырёх лапах в восхищении от того, как хороша жизнь и как хороша весна, если, конечно, пренебречь весенней уборкой. Он устремился через луг и бежал до тех пор, пока не достиг кустов живой изгороди на противоположной стороне луга.

– Стоп! – крикнул ему немолодой кролик, появляясь в просвете между кустами. – Гони шесть пенсов за право прохода по чужой дороге!

Но Крот даже взглядом его не удостоил и, презрительно сдвинув с пути, в нетерпении зашагал дальше, мимоходом поддразнивая всяких других кроликов, которые выглядывали из норок, чтобы узнать, что там случилось.

– Луковый соус! Луковый соус! – бросал им Крот, и это звучало довольно глумливо, потому что кому приятно напоминание, что твою родню подают к столу под луковым соусом!

К тому времени, когда он был уже далеко, кролики придумывали колкость ему в ответ и начинали ворчать и упрекать друг друга:

– Какой же ты глупый, что ты ему не сказал...

– А ты сам-то, сам-то чего ж...

– Но ты же мог ему напомнить...

И так далее в этом же роде. Но было уже, конечно, поздно, как это всегда бывает, когда надо быстро и находчиво оборвать насмешника.

...Нет! На свете было так хорошо, что прямо не верилось! Крот деловито топал вдоль живой изгороди то в одну, то в другую сторону. Пересекая рожицу, он видел, как всюду строили свои дома птицы, цветы набирали бутоны, проклёвывались листики. Всё двигалось, радовалось и занималось делом. И вместо того чтобы услышать голос совести, укоряющий: «А побелка?» – он чувствовал один только восторг от того, что был единственным праздным бродягой посреди всех этих погружённых в весенние заботы жителей. В конце концов, самое лучшее во всяком отпуске – это не столько отдыхать самому, сколько наблюдать, как другие работают.

Крот подумал, что он полностью счастлив, как вдруг, продолжая бродить без цели, он оказался на самом берегу переполненной вешними водами реки. Он прежде никогда её не видел; такого, как ему представилось, гладкого, лоснящегося, извивающегося, огромного зверя, который куда-то нёсся, за кем-то гнался, настигал, хватал, тут же оставлял, смеялся, моментально находил себе другого приятеля, кидался на него и, пока тот отряхивался от речных объятий, бросался на него снова. Всё вокруг колебалось и переливалось. Блики, бульканье, лепет, кружение, журчание, блеск.

Крот стоял очарованный, околдованный, замороженный. Он пошёл вдоль реки. Так идёт маленький рядом со взрослым, рассказывающим волшебную сказку. И наконец, утомившись, присел на берегу. А река всё продолжала рассказывать свои прекрасные переливчатые сказки, которые она несла из глубины земли к морю, самому ненасытному на свете слушателю сказок.

Крот сидел на травке, поглядывал на противоположный берег и вдруг заметил, что прямо под кромкой берега темнелся вход в норку, как раз над поверхностью воды.

«Ах, – стал мечтательно раздумывать Крот, – каким прелестным жильём могла бы оказаться такая норка для зверя со скромными запросами, любящего малюсенькие прибрежные домики, вдали от пыли и шума...»

И пока он приглядывался, ему показалось, что нечто небольшое и яркое мерцает там, прямо посреди входа, потом оно исчезло, затем снова мигнуло, точно крошечная звёздочка. Но вряд ли звёздочка могла появиться в таком неподходящем месте. Она была слишком маленькой и слишком яркой, чтобы оказаться, например, светлячком.

Крот всё смотрел и смотрел. Он обнаружил, что «звёздочка» подмигивает именно ему. Таким образом выяснилось, что это глаз, который немедленно начал обрастать мордочкой, точно картинка рамой, коричневой мордочкой с усами. Степенной круглой мордочкой с тем самым мерцанием в глазу, которое и привлекло внимание Крота. Маленькие аккуратные ушки и густая шелковистая шерсть. Ну конечно, это был дядюшка Рэт – Водяная Крыса.

Оба зверя постояли, поглядели друг на друга с некоторой опаской.

– Привет, Крот, – сказал дядюшка Рэт – Водяная Крыса.

– Здравствуй, Рэт, – сказал Крот.

– Не хочешь ли зайти ко мне? – пригласил дядюшка Рэт.

– Хорошо тебе говорить «зайти», – сказал Крот, слегка обидевшись.

Дядюшка Рэт на это ничего не ответил, нагнулся, отвязал верёвку, потянул её на себя и легко ступил в маленькую лодочку, которую Крот до сих пор не замечал. Она была выкрашена в голубой цвет снаружи, в белый – изнутри, и была она размером как раз на двоих, и Кроту она сразу же пришлась по душе, хотя он пока ещё не совсем понимал, для чего существуют лодки. Дядюшка Рэт аккуратно грёб, направляясь к противоположному берегу, и, причалив, протянул переднюю лапу, чтобы поддержать Крота, боязливо ступившего на дно лодки.

– Опирайся! – сказал он. – Смелее!

И Крот не успел оглянуться, как уже сидел на корме настоящей лодки.

– Вот это денёк! – восклицал он, пока Рэт отталкивал лодку и вновь усаживался за вёсла. – Можешь себе представить, ведь я ни разу в жизни не катался на лодке. Ни разу!

– Что?

Дядюшка Рэт – Водяная Крыса так и остался с разинутым ртом.

– Никогда не ка... Ты ни разу в жизни не... Я не представляю... Слушай, а зачем ты жил до сих пор на свете?

– Думаешь, без лодки и жить, что ли, нельзя? – неуверенно возразил Крот. Он уже готов был поверить, что и в самом деле без лодки не проживёшь!

Крот восседал, развалившись на мягкой подушке, и рассматривал вёсла, уключины и вообще все те чудесные вещи, которыми была оборудована лодка, и с приятностью ощущал, как дно под ним слегка покачивается.

– Думаю? Да я просто в этом убеждён! – сказал дядюшка Рэт, наклоняясь вперёд и энергично взмахивая вёслами. – Поверь мне, мой юный друг, что нету дела, которым и вполонину стоило бы заниматься, как попросту – попросту – повозиться с лодкой, ну просто повозиться, ну просто...

– Осторожно, Рэт! – вдруг закричал Крот.

Но было уже поздно. Лодка со всего маху врезалась в берег. Заевавшийся, размечтавшийся гребец лежал на дне лодки, и пятки его сверкали в воздухе.

– ...повозиться с лодкой, – договорил он, весело смеясь. – С лодкой, в лодке или возле лодки. Это не имеет значения. Ничего не имеет значения. В этом-то вся прелесть. Не важно, поплывёшь ты в лодке или не поплывёшь, доплывёшь, куда плыл, или приплывёшь совсем в другое место, или вовсе никуда не приплывёшь, важно, что ты всё время занят, и при этом ничего такого не делаешь, а если ты всё-таки что-то сделал, то у тебя дел всё равно останется предостаточно, и ты можешь их делать, а можешь и не делать – это решительно всё равно. Послушай-ка! Если ты сегодня ничего другого не наметил, давай-ка махнём вниз по реке и хорошо проведём время. А?

Крот пошевелил всеми пальцами на всех четырёх лапах, выражая этим своё полное удовольствие, глубоко, радостно вздохнул и в полном восторге откинулся на подушки.

– О, какой день!.. Какой день!.. – прошептал он. – Поплыли! Сейчас же!

– Тогда минуточку посиди спокойно, – сказал дядюшка Рэт.

Он привязал верёвку к металлическому колечку у причала, взобрался по откосу к своей норе и вскоре появился снова, сгибаясь под тяжестью плетёной корзины, у которой просто распирало бока.

– Засунь её под лавку, – сказал он Кроту, передавая корзину в лодку. После этого он отвязал верёвку и снова взялся за вёсла.

– Что в ней? – спросил Крот, ёрзая от любопытства.

– Жареный цыплёнок, – сказал дядюшка Рэт коротко, – отварной язык-бекон-рост-биф-корнишоны-салат, французские булочки-заливное-содовая...

– Стоп, стоп! – завопил Крот возбуждённо. – Этого слишком много!

– Ты в самом деле так думаешь? – спросил его дядюшка Рэт с серьёзной миной. – Но я всегда всё это беру с собой на непродолжительные прогулки, и мои друзья каждый раз мне говорят, что я скупердяй и делаю слишком ничтожные запасы.

Но Крот уже давно не слушал. Его внимание поглотила та новая жизнь, в которую он вступал. Его опьяняли сверкание и рябь на воде, запахи, звуки, золотой солнечный свет. Он опустил лапу в воду и видел бесконечные сны наяву.

Дядюшка Рэт – Водяная Крыса, добрый и неизменно деликатный, грёб себе и грёб, не мешая Кроту, понимая его состояние.

– Мне нравится, как ты одет, дружище, – заметил он после того, как добрых полчаса прошло в молчании. – Я тоже думаю заказать себе чёрный бархатный костюм, вот только соберусь с деньгами.

– Что? – спросил Крот, с трудом возвращаясь к действительности. – Прости меня, я, должно быть, кажусь тебе неучтивым, но для меня это всё так ново. Так, значит, это и есть речка?

– Не речка, а река, – поправил его дядюшка Рэт, – а точнее, Река с большой буквы, понимаешь?

– И ты всегда живёшь у реки? Это, должно быть, здорово!

– Возле реки, и в реке, и вместе с рекой, и на реке. Она мне брат, и сестра, и все тётки, вместе взятые, она и приятель, и еда, и питьё, и, конечно, как ты понимаешь, баня и прачечная. Это мой мир, и я ничего другого себе не желаю. Что она не может дать, того и желать нет никакого смысла, чего она не знает, того и знать не следует. Господи! Сколько прекрасных часов мы провели вместе! Хочешь – летом, хочешь – зимой, осенью ли, весной ли, у неё всегда есть в запасе что-нибудь удивительное и интересное. Например, в феврале, когда полые воды высоки, в моих подвалах столько воды, что мне в жизни не выпить! А мутные волны несутся мимо окон моей парадной спальни! А потом, наоборот, вода спадает, и показываются островки мягкого ила, которые пахнут, как сливовый пудинг, а тростник и камыши загораживают путь весенним потокам, и тогда я могу ходить почти что по её руслу, не замочив ботинок, находить там вкусную свежую пищу, отыскивать вещи, выброшенные легкомысленными людьми из лодок...

– И тебе никогда не бывает скучно? – отважился перебить его Крот. – Только ты и река, слова больше не с кем сказать?

– Слова не с кем... Нет, я не должен судить тебя слишком строго, – добродушно заметил дядюшка Рэт. – Ты тут впервые. Откуда же тебе знать! Да ведь берега реки так густо заселены всяким народом, что многие даже переселяются в другие места. О нет, нет! Сейчас совсем не то, что бывало в прежние времена! Выдры, зимородки, разные там другие птицы, шотландские курочки – решительно все вертятся у тебя целый день под ногами, и все требуют, чтобы ты для них что-нибудь делал, как будто у тебя нет никаких своих забот!

– А вот там что? – спросил Крот, показывая на густой тёмный лес, обрамлявший прибрежные заливные луга.

– Это? А, это просто Дремучий Лес, – заметил дядюшка Рэт коротко. – Мы, береговые жители, не так уж часто туда заглядываем.

– А разве... а разве там живут не очень хорошие эти... ну... – проговорил Крот, слегка разволновавшись.

– М-да, – ответил дядюшка Рэт. – Ну, как тебе сказать... Белки, они хорошие. И кролики. Но среди кроликов всякие бывают. Ну и, конечно, там живёт Барсук. В самой середине. В самой, можно сказать, сердцевине. Ни за какие деньги он не согласился бы перебраться куда-нибудь в другое место. Милый старый Барсук! А никто его и не уговаривает, никто его и не трогает. Пусть только попробуют! – добавил он многозначительно.

– А зачем его трогать? – спросил Крот.

– Ну там, конечно, есть и другие, – продолжал дядюшка Рэт, несколько колеблясь и, по-видимому, выбирая выражения. – Ласки там, горностаи, лисы, ну и прочие. Вообще-то они ничего, я с ними в дружбе. Проводим время вместе иногда и так далее, но, понимаешь, на них иногда находит, короче говоря, на них нельзя положиться, вот в чём дело.

Кроту было хорошо известно, что у зверей не принято говорить о возможных неприятностях, которые могут случиться в будущем, и поэтому он прекратил расспросы.

– А что за Дремучим Лесом? – решил он спросить спустя долгое время. – Там, где синева, туман и вроде бы дымят городские трубы, а может, и нет, может, это просто проплывают облака?

– За Дремучим Лесом – Белый Свет. А это уже ни тебя, ни меня не касается. Я там никогда не был и никогда не буду, и ты там никогда не будешь, если в тебе есть хоть капелька

здорового смысла. И, пожалуйста, хватит об этом. Ага! Вот, наконец, и заводь, где мы с тобой устроим пикник.

Они свернули с основного русла, поплыли, как казалось на первый взгляд, к озерку, но это было на самом деле не озеро, потому что туда вела речная протока. К воде сбегали зелёные лужочки. Тёмные, похожие на змей коряги виднелись со дна сквозь прозрачную, тихую воду. А прямо перед носом лодки, весело кувыряясь и пенясь, вода спрыгивала с плотины. Она лилась на беспокойное, разбрасывающее брызги мельничное колесо, а колесо вертело жернова деревянной мельницы. Воздух был наполнен успокаивающим бормотанием, глухим и неясным, из которого время от времени возникали чьи-то чистые, бодрые голоса.

Было так прекрасно, что Крот смог только поднять кверху передние лапки и, почти не дыша, произнести:

– Ух ты!

Дядюшка Рэт бортом подвёл лодку к берегу, привязал её, помог выйти ещё не вполне освоившемуся Кроту и вытащил на берег корзину с провизией.

Крот попросил разрешения распаковать корзинку, на что дядюшка Рэт охотно согласился. Он с большим удовольствием растянулся на травке, в то время как Крот с воодушевлением выудил из корзинки скатерть и расстелил её на траве, потом один за другим стал доставать таинственные свёртки и разворачивать их, каждый раз замирая и восклицая:

– О! О! О!

Когда всё было готово, дядюшка Рэт скомандовал:

– Ну, старина, набрасывайся!

И Крот тут же с удовольствием подчинился этой команде, потому что он начал уборку, как водится, очень рано, и с тех пор маковой росинки у него во рту не было, а с утра произошло столько всяких событий, что ему казалось, что миновал не один день.

– Что ты там увидел? – спросил вдруг дядюшка Рэт, когда они заморили червячка и Крот смог на минуточку оторвать свой взгляд от скатерти.

– Я смотрю на ровный ряд пузырей, которые движутся по поверхности воды. Мне это кажется странным.

– Пузыри? Ага! – произнёс дядюшка Рэт каким-то щебечущим голосом, точно приглашая кого-то разделить с ними завтрак.

Возле берега из воды показалась широкая гладкая морда, и дядюшка Выдра вылез на сушу, передёргивая шкуркой и отряхивая с себя воду.

– Вот жадюги! – сказал он, направляясь к разложенным на скатерти яствам. – Ты чего ж не пригласил меня, Рэтти?

– Да мы как-то неожиданно собрались, – пояснил дядюшка Рэт. – Кстати, познакомься, мой друг – мистер Крот.

– Очень приятно, – сказал дядюшка Выдра.

И они тотчас стали друзьями.

– Какая везде суматоха! – продолжал дядюшка Выдра. – Кажется, весь белый свет сегодня на реке. Я приплыл в эту тихую заводь, чтобы хоть на минутку перевести дух и уединиться, и вот, здравствуйте, наткнулся на вас. Извините, я не совсем то хотел сказать, ну, вы понимаете.

Сзади в кустах, ещё кое-где покрытых сухой прошлогодней листвой, что-то зашуршало, из чащи выглянула втянутая в плечи полосатая голова, уставилась на них.

– Иди сюда, Барсук, старый дружище! – крикнул дядюшка Рэт.

Барсук двинулся было на два-три шага, но, пробормотав: «Хм! Компания собралась!» – тут же повернулся и скрылся из виду.

– Вот он всегда так, – разочарованно заметил Рэт. – Ну просто не выносит общества. Сегодня мы его, конечно, больше не увидим. Кто тебе нынче встретился на реке? – спросил он дядюшку Выдру.

– Ну, во-первых, конечно, наш достославный мистер Тоуд – Жаба. В новенькой лодочке, одет весь с иголочки, в общем, всё новое и сплошная роскошь.

Дядюшка Рэт и дядюшка Выдра поглядели друг на друга и рассмеялись.

– Когда-то он ходил под парусом, – сказал дядюшка Рэт. – Потом яхта ему надоела, и загорелось – вынь да положь – плоскодонку с шестом. Больше ничем не желал заниматься, хлебом не кормите, дайте только поплавать на плоскодонке с шестом. Чем кончилось? Ерундой! А в прошлом году ему взбрело в голову, что он просто умрёт без дома-поплавка. Завёл себе барку с домом, и все мы без конца гостили на этой барке, и все мы притворялись, будто это нам страшно нравится. Ему уже виделось, как он весь остаток жизни проведёт в доме на

воде, только ведь не успеет мистер Тоуд чем-либо увлечься, как уже остывает и берётся за что-нибудь следующее.

– И при всём том хороший парень, – заметил дядюшка Выдра задумчиво. – Но никакой устойчивости... особенно на воде.

С того местечка за островком, где они расположились, было видно основное русло реки, и как раз в это время в поле зрения внезапно всплыла спортивная двойка. Гребец, невысокий, толстенький, изо всех сил грёб, сильно раскачивая лодку и поднимая тучи брызг, и видно было, что он очень старается. Дядюшка Рэт встал и окликнул его, приглашая присоединиться к обществу, но мистер Тоуд – потому что это был он – помотал головой и с прежним старанием принялся за дело.

– Он опрокинется ровно через минуту, – заметил дядюшка Рэт, снова усаживаясь на место.

– Это уж непременно, – хихикнул дядюшка Выдра. – А я вам никогда не рассказывал интересную историю, которая называется «Мистер Тоуд и сторож при шлюзе»? Вот как это было...

Сбившаяся с пути франтоватая мушка-веснянка крутилась как-то неопределённо, летая над водой то вдоль, то поперёк течения, видно опьянённая весной. И вдруг посреди реки возник водоворот, послышалось – плюх! – и мушка исчезла. И дядюшка Выдра, между прочим, тоже. Крот оглянулся. Голос дядюшки ещё звенел у него в ушах, а между тем место на травке, где он только что сидел развалившись, было решительно никем не занято. И вообще, гляди хоть до самого горизонта, ни единой выдры не увидишь.

Но вот на поверхности воды снова возник ряд движущихся пузырьков. Дядюшка Рэт мурлыкал какой-то мотивчик, а Кроту вспомнилось, что, по звериному обычаю, запрещено обсуждать неожиданное исчезновение товарища, куда бы он ни девался и по какой причине или даже вовсе без всяких причин.

– Ну так, – сказал дядюшка Рэт, – я думаю, нам уже пора собираться. Как тебе кажется, кому из нас лучше упаковывать корзинку? – Он говорил так, что было ясно: ему самому с этим возиться неохота.

– Позволь, позволь мне! – выпалил Крот.

И дядюшка Рэт, конечно, позволил.

Но укладывать корзинку оказалось вовсе не так приятно, как распаковывать.

Это обычно так и бывает. Но Крот сегодня был расположен всему радоваться. Поэтому он справился с делом без особого раздражения. Хотя когда он уже всё сложил и крепко стянул корзинку ремнями, то увидел тарелку, которая уставилась на него из травы. А потом, когда положение было исправлено, дядюшка Рэт обратил его внимание на вилку, которая, между прочим, лежала на самом виду. Но этим дело не кончилось, потому что обнаружилась ещё и банка с горчицей, на которой Крот сидел, сам того не замечая.

Предвечернее солнце стало понемногу садиться. Дядюшка Рэт не спеша грёб к дому, находясь в мечтательном расположении духа, бормоча себе под нос обрывки стихов и не очень-то обращая внимание на Крота.

А Крот был весь полон едой, удовольствием и гордостью и чувствовал себя в лодке как дома (так ему, во всяком случае, казалось), а кроме того, на него мало-помалу стало находить какое-то беспокойство, и вдруг он сказал:

– Рэтти, пожалуйста, позволь теперь мне погрести.

Дядюшка Рэт улыбнулся и покачал головой:

– Погоди, ещё не пора. Сначала я должен дать тебе несколько уроков. Это вовсе не так просто, как тебе кажется.

Крот минутку-другую посидел спокойно. Но чем дальше, тем больше он завидовал своему другу, который так ловко, так легко гнал лодку по воде, и гордыня стала ему нащёпты-

вать, что он мог бы и сам грести ни капельки не хуже. И он вскочил и ухватился за вёсла так неожиданно, что дядюшка Рэт, который глядел куда-то вдаль и продолжал бормотать стихи, от неожиданности полетел со скамьи так, что ноги его оказались в воздухе, а торжествующий Крот взгромоздился на его место.

– Прекрати, дуралей! – закричал на него дядюшка Рэт со дна лодки. – Ты не умеешь... Ты сейчас перевернёшь лодку!

Крот рывком закинул вёсла назад, приготовился сделать мощный гребок. Но он промахнулся и даже не задел вёслами поверхности воды. Его задние ноги взметнулись выше головы, и сам он очутился на дне лодки поверх распростёртого там хозяина. Страшно испугавшись, он схватился за борт, и в следующий момент – плюх! – лодка перевернулась, Крот очутился в воде и понял, что вот-вот захлебнётся. Ох какая вода оказалась холодная и ох до чего же она была мокрая!

И как звенела она у Крота в ушах, когда он опускался на дно, на дно, на дно! И каким добрым и родным казалось солнышко, когда он, отфыркиваясь и откашливаясь, выныривал на поверхность. И как черно было его отчаяние, когда он чувствовал, что погружается вновь. Но вот твёрдая лапа схватила его за загривок. Это был Рэт, и он смеялся. Во всяком случае, Крот чувствовал, как смех от сильного плеча дядюшки Рэта спускается по лапе и проникает ему, Кроту, в загривок.

Дядюшка Рэт схватил весло и сунул его Кроту под мышку, потом то же самое он проделал с другой стороны и, пристроившись сзади, отбуксировал несчастного зверя на берег. Он

выволок его и усадил на землю. Это был не Крот, а размокший, плачевного вида тюфяк, набитый печалью.

Дядюшка Рэт слегка отжал из него воду и примирительно сказал:

– Ладно уж, глупышка, побегай вдоль берега, пока не пообсохнешь и не согреешься. А я поныряю, поищу корзинку.

Так несчастному Кроту, абсолютно мокрому снаружи и посрамлённому изнутри, пришлось маршировать взад-вперёд, пока он немного не пообсох.

Тем временем дядюшка Рэт опять вошёл в воду, доплыл до опрокинутой лодки, перевернул её, привязал у берега и по частям выловил своё скользкое по волнам имущество. Затем он нырнул на самое дно и, отыскав корзинку, не без труда вытащил её на берег.

Когда всё было снова готово к отплытию, и подавленный, вконец расстроенный Крот вновь занял место на корме, и они тронулись в путь, Крот сказал глухим, дрожащим от волнения голосом:

– Рэтти, мой благородный друг! Я вёл себя глупо и оказался неблагодарным. У меня просто сердце замирает, как я себе представляю, что из-за меня чуть не пропала эта прекрасная корзинка. Я оказался совершеннейшим ослом, я это знаю. Прошу тебя, прости и забудь, пусть всё будет по-прежнему, хорошо?

– Хорошо, хорошо, – бодро отозвался дядюшка Рэт. – Так уж и быть. Мне немного понырять не вредно! Я ведь всё равно в воде с утра до ночи. Так что не расстраивайся, забудь и не думай. А знаешь что? Я считаю, тебе было бы не худо немного пожить у меня. В моём доме всё просто и без затей, не то что у мистера Тоуда (правда, ты пока что не видел его усадьбы), всё-таки я думаю, что тебе у меня будет неплохо. Я научу тебя грести и плавать, и скоро ты совсем освоишься на реке, не хуже нас, речных жителей.

Крот так был тронут добротой своего друга, что у него перехватило горло и куда-то подевался голос, и ему даже пришлось тыльной стороной лапки смахнуть набежавшие слезинки.

Но дядюшка Рэт деликатно отвернулся, и понемногу Крот опять пришёл в прекрасное настроение и даже смог дать отпор двум шотландским курочкам, которые судачили по поводу его грязноватого вида.

Когда они добрались до дому, дядюшка Рэт растопил камин в гостиной, прочно усадил Крота в кресло возле огня, одолжив ему свой халат и свои шлёпанцы, развлекал его всякими историями до самого ужина. Это были захватывающие истории, особенно для такого далёкого от реки зверя, как Крот. Дядюшка Рэт рассказывал о запрудах и неожиданных наводнениях, о страшной зубастой щуке, о пароходах, которые швыряются опасными твёрдыми бутылками или кто-то швыряет с них, а может, и они сами, кто же их знает, о цаплях и о том, какие они гордячки, не со всяким станут разговаривать, о приключениях у плотины, о ночной рыбалке, в которой обычно принимает участие дядюшка Выдра, и о далёких экскурсиях с Барсуком. Они весело вдвоём поужинали, но вскоре заботливому хозяину пришлось проводить сонного Крота наверх, в лучшую спальню, где тот сразу же положил голову на подушку и спокойно заснул, слыша сквозь сон, как его новообретённый друг Река тихонечко постукивает в окно.

Этот день был только первым в ряду таких же дней, и каждый из них был интереснее предыдущего, а лето тем временем разгоралось, созревало, продвигалось всё вперёд и вперёд.

Крот научился плавать и грести, полюбил проточную воду и, принося ухом к тростниковым стеблям, умел подслушивать, что им всё время нащёптывает и нащёптывает ветер.

Глава вторая

На широкой дороге

– Рэтти, – сказал Крот однажды ясным летним утром, – я хочу тебя о чём-то попросить, можно?

Дядюшка Рэт сидел на берегу реки и напевал песенку. Он только что её сам сочинил, и она, надо сказать, очень ему нравилась. Он не обращал внимания ни на Крота, ни на кого бы то ни было вообще. Он с раннего утра досыта наплавался в реке вместе со своими друзьями-утками. Когда вдруг утки неожиданно становились в воде вниз головой, как это свойственно уткам, он тут же нырял и щекотал им шейки, как раз в том месте, где мог оказаться подбородок, если бы он у них был, до тех пор щекотал, пока им не приходилось торопливо выныривать на поверхность. Они выныривали, разбрызгивая воду, сердясь и топорща на него свои пёрышки, потому что невозможно сказать всё, что ты о ком-то думаешь, когда у тебя голова под водой. Под конец они уже просто взмолились и попросили его заняться своими собственными делами и оставить их в покое. Ну вот, дядюшка Рэт и отстал от них, и уселся на бережке на солнышке, и сочинил про них песенку, которую он назвал

УТИНЫЕ ПРИПЕВКИ

В тихой, сонной заводи —
Гляньте, просто смех! —
Наши утки плавают
Хвостиками вверх.

Белых хвостиков – не счесть,
Жёлтых лапок – вдвое.
Где же клювы? Тоже есть,
Но только под водою!

– Там, где заросли густы,
Где шустрят плотвички,
Мы всегда запас еды
Держим по привычке.

То, что любишь, делай ты,
Мы же в свой черёд
Любим вверх держать хвосты,
А клюв – наоборот.

С криком кружатся стрижи
В небе без помех,
Мы ныряем от души
Хвостиками вверх!

– Мне что-то не очень, Рэтти, – заметил Крот осторожно. Сам он не был поэтом, стихи ему были как-то безразличны, он этого не скрывал и говорил всегда искренне.

– И уткам тоже не очень, – бодро заметил дядюшка Рэт. – Они говорят: «И почему это нельзя оставить других в покое, чтобы они делали как хотят, что хотят и когда хотят, а надо вместо того рассиживать на берегах, и отпускать всякие там замечания, и сочинять про них разные стишки, и всё такое прочее? Это довольно-таки глупо». Вот что говорят утки.

– Так оно и есть, так оно и есть! – горячо поддержал уток Крот.

– Вот как раз и нет! – возмутился дядюшка Рэт.

– Ну, нет так нет, – примирительно отозвался Крот. – Я вот о чём хотел тебя попросить: не сходим ли мы с тобою в Тоуд-Холл? Я столько слышал: «Жаба – мистер Тоуд – то, да мистер Тоуд – сё», а до сих пор с ним не познакомился.

– Ну, разумеется, – тут же согласился добрый дядюшка Рэт и выкинул на сегодня поэзию из головы. – Выводи лодку, и мы туда быстренько доплюхаем. К нему когда ни появишься, всё будет вовремя. Утром ли, вечером ли, он всегда одинаковый. Всегда в хорошем настроении, всегда рад тебя видеть, и каждый раз ему жаль тебя отпускать.

– Мистер Тоуд, наверно, очень хороший зверь, – заметил Крот, садясь в лодку и берясь за вёсла, в то время как дядюшка Рэт устраивался поудобнее на корме.

– Он действительно просто замечательный зверь, – ответил дядюшка Рэт. – Такой простой и привязчивый и с хорошим характером. Ну может, он не так уж умён, но все же не могут быть гениями, и правда он немножечко хвастун и зазнайка. Но всё равно у него много превосходных качеств, у нашего мистера Тоуда, в самом деле, много превосходных качеств.

Миновав излучину, они увидели красивый и внушительный, построенный из ярко-красного кирпича старинный дом, окружённый хорошо ухоженными лужайками, спускающимися к самой реке.

– Вот и Тоуд-Холл, – сказал дядюшка Рэт. – Видишь слева бухточку, где на столбике объявление: «Частная собственность. Не чалиться», там как раз его лодочный сарай, там мы и оставим свою лодку. Справа – конюшни. А это, куда ты смотришь, банкетный зал. Самое старое строение из всех. Мистер Тоуд довольно богат, и у него, пожалуй, самый хороший дом в наших краях. Только мы при нём это особенно не подчёркиваем.

Легко скользя, лодка пересекла бухту, и в следующий момент Крот стал сушить вёсла, потому что они уже въезжали в тень большого лодочного сарая. В сарае было много хороших лодочек, подвешенных к поперечным балкам при помощи канатов или поднятых на стапеля. Ни одной лодки не было спущено на воду, и вообще здесь всё выглядело как-то заброшенно и неуютно, и казалось, что сюда уже давно никто не заглядывал.

Дядюшка Рэт поглядел вокруг.

– Понимаю, – сказал он. – С лодочным спортом покончено. Ему надоело, он наигрался. Интересно, какая новая причуда теперь им овладела? Пошли поищем, где он. Очень скоро мы сами всё это услышим, не беспокойся.

Они сошли на берег и двинулись наискосок через весёлые цветущие лужайки на поиски хозяина, на которого вскорости и наткнулись, найдя его сидящим в плетёном кресле с очень сосредоточенным выражением лица. Огромная карта была расстелена у него на коленях.

– Ура! – закричал он, вскакивая, лишь только завидел их. – Это замечательно!

Он горячо пожал лапы обоим, не дожидаясь, пока ему представят Крота.

– Как это мило с вашей стороны! – выплясывал он возле гостей. – Я только что собирался послать кого-нибудь в лодке за тобой, Рэтти, и дать строгий наказ немедленно тебя привезти, как бы ты там ни был занят. Вы мне очень нужны оба. Ну, чем вас угостить? Войдите в дом, перекусите немножечко. Вы даже не представляете себе, как здорово, что вы появились именно сейчас!

– Давай-ка посидим тихонько хоть минутку, Тоуд, – сказал дядюшка Рэт, усаживаясь в кресло, в то время как Крот занял другое, бормоча учтивые слова насчёт «прелестной резиденции».

– Самый прекрасный дом на всей реке! – воскликнул мистер Тоуд хвастливо. – На всей реке и вообще где бы то ни было, если хотите, – добавил он.

Дядюшка Рэт легонько толкнул Крота. К сожалению, мистер Тоуд заметил это и страшно покраснел. Наступило неловкое молчание. Потом мистер Тоуд расхохотался:

– Да ладно, Рэтти. Ну, у меня такой характер, ты же знаешь. И на самом-то деле это ведь не такой уж плохой дом, правда? Признайся, что тебе он тоже нравится. А теперь послушай. Будем благоразумны. Вы как раз те, кто мне нужен. Вы должны мне помочь. Это чрезвычайно важно.

– Полагаю, это связано с греблей, – заметил дядюшка Рэт с невинным видом. – Ты делаешь большие успехи, хоть и поднимаешь брызги чуть-чуть больше, чем надо. Но если ты проявишь терпение и поупражняешься как следует, то ты...

– Вот ещё, лодки! – перебил его мистер Тоуд с отвращением в голосе. – Глупые мальчишеские забавы! Я уже давным-давно это оставил. Пустая трата времени, вот что я вам скажу. Мне просто до слёз вас жалко, когда я вижу, как вы тратите столько драгоценной энергии на это бессмысленное занятие. Нет, я наконец-то нашёл стоящее дело, истинное занятие на всю жизнь. Я хочу посвятить этому остаток своей жизни и могу только скорбеть о зря потраченных годах, выброшенных на пустяки. Пойдёмте со мной, Рэтти, ты и твой доброжелательный друг, если он будет так любезен, здесь недалеко идти, всего лишь до конюшни. Там вы кое-что увидите.

Он пошёл вперёд, указывая им путь в сторону конюшенного двора, а следом за ним двинулся дядюшка Рэт с выражением крайнего сомнения на лице. И что же они увидели? Во

дворе стояла выкаченная из каретного сарая новёхонькая цыганская повозка канареечно-жёлтого цвета, окаймлённая зелёным, и с красными колёсами!

– Ну! – воскликнул мистер Тоуд, покачиваясь на широко расставленных лапах и радуясь от важности. – Вот вам истинная жизнь, воплощённая в этой небольшой повозочке. Широкие просёлки, пыльные большаки, вересковые пустоши, равнины, аллеи между живыми изгородями, спуски, подъёмы! Ночёвки на воздухе, деревеньки, сёла, города! Сегодня здесь, а завтра – подхватились – и уже совсем в другом месте! Путешествия, перемены, новые впечатления – восторг! Весь мир – перед вами, и горизонт, который всякий раз иной! И заметьте, это самый прекрасный экипаж в таком роде, свет не видал более прекрасного экипажа. Войдите внутрь и посмотрите, как всё оборудовано. Всё в соответствии с моим собственным проектом!

Кроту было необыкновенно любопытно поглядеть, и он торопливо поднялся на подножку и полез внутрь повозки. Дядюшка Рэт только фыркнул и остался стоять, где стоял.

Всё было сделано действительно очень разумно и удобно. Маленькие коврики, столик, который складывался и приставлялся к стене, печечка, рундучки, книжные полочки, клетка с птичкой и ещё – чайники, кастрюльки, кувшинчики, сковородки всяких видов и размеров.

– Полный набор всего, чего хочешь! – победоносно заявил мистер Тоуд, откидывая крышку одного из рундучков. – Видишь, печенье, консервированные раки, сардины – словом, всё, чего ты только можешь пожелать. Здесь – содовая, там – табачок, почтовая бумага и конверты, бекон, варенье, карты, домино, вот ты увидишь, – говорил он, пока они спускались на землю, – ты увидишь, что ничего, решительно ничего не забыто, ты это оценишь, когда мы сегодня после обеда тронемся в путь.

– Я прошу прощения, – сказал дядюшка Рэт с расстановкой, жуя сухую соломинку, – мне показалось или я в самом деле услышал что-то такое насчёт «мы» и «тронемся в путь» и «после обеда»?

– Ну милый, ну хороший, ну старый друг Рэтти, ну не начинай разговаривать в такой холодной и фырочечной манере, ну ты же знаешь, ты просто должен со мной поехать! Я просто никак не могу без тебя обойтись, ты уж, пожалуйста, считай, что мы уговорились. И не спорь со мной – это единственное, чего я совершенно не выношу. Не собираешься же ты всю жизнь сидеть в своей старой, скучной тухлой речке, жить в прибрежной норе и только и знать, что плавать на лодке? Я хочу показать тебе мир! Я хочу сделать из тебя зверя, как говорится, с большой буквы, дружок ты мой!

– Мне наплевать! – сказал дядюшка Рэт упрямо. – Я никуда не еду, и это совершенно твёрдо. Я именно собираюсь провести всю жизнь на реке в прибрежной норе и плавать на лодке, как плавал. Мало того, Крот тоже останется со мной и будет делать всё то, что делаю я, правда, Крот?

– Да, конечно, – отозвался верный Крот, – я всегда буду с тобой, и как ты скажешь, так всё и будет. И всё-таки, знаешь, было бы вроде весело... – добавил он задумчиво.

Бедный Крот! Жизнь Приключений! Для него всё было так ново, так интересно. Его манили новые впечатления. К тому же он просто влюбился с первого взгляда в канареечный экипаж и его замечательное оборудование.

Дядюшка Рэт понял, что творится в его голове. Он заколебался. Он не любил никого огорчать, а к тому же любил Крота и готов был почти на всё, чтобы порадовать его. Мистер Тоуд пристально глядел на обоих.

– Пошли в дом, перекусим чего-нибудь, – сказал он дипломатично. – Мы всё это обсудим. Ничего не надо решать сразу. Мне, в общем-то, всё равно. Я хотел доставить вам удовольствие, ребята. «Жить для других» – таков мой девиз.

Во время ленча – а он был отличным, как всё вообще в Тоуд-Холле, – мистер Тоуд всё-таки не удержался. Не обращая никакого внимания на дядюшку Рэта, он играл на неопытной душе Крота, как на арфе. По природе разговорчивый, с богатым воображением, тут же он про-

сто не закрывал рта. Он рисовал перспективу путешествия, вольной жизни, всяких дорожных удовольствий такими яркими красками, что Кроту с трудом удавалось усидеть на стуле. Постепенно как-то само собой получилось, что путешествие оказалось делом решённым, и дядюшка Рэт, внутренне не очень-то со всем согласный, позволил своей доброй натуре взять верх над его личным нежеланием. Ему было трудно разочаровывать друзей, которые успели глубоко погрузиться в планы и предчувствия, намечая для каждого в отдельности занятия и развлечения, планируя их на много недель вперёд.

Когда все окончательно созрели для поездки, мистер Тоуд вывел своих компаньонов на луг за конюшней и велел поймать старую серую лошадь, которой предстояло во время путешествия выполнять самую тяжёлую и пыльную работу, хотя, к её неудовольствию, с ней никто предварительно не посоветовался. Она открыто предпочитала луг, и поэтому некоторое время пришлось потратить, чтобы её изловить. Тем временем мистер Тоуд набил рундучки ещё плотнее всякими необходимыми вещами, а лошадиные торбы с овсом, мешочки с луком, охапки сена и всякие мелкие корзинки прикрепил снизу ко дну повозки.

Наконец лошадь изловили и запрягли, и путешественники тронулись в путь, все что-то говоря разом, кто сидя на козлах, кто шагая рядышком с повозкой, – кому как заблагорассудилось.

Было золотое предвечерье. Запах пыли, которую они поднимали по дороге, был густой и успокаивающий. Из цветущих садов по обеим сторонам дороги их весело окликали птицы. Добродушные путники, которые попадались навстречу, останавливались и здоровались с ними, говорили несколько слов в похвалу красивой повозки, а кролики, сидя на крылечках своих домов, спрятанных в живой изгороди, поднимали передние лапки и восклицали: «Ах! Ах! Ах!»

Поздним вечером, усталые и счастливые, находясь уже очень далеко от дома, они свернули на пустырь, распрягли лошадь, чтобы она попаслась. Они уселись поужинать на травке возле повозки. Мистер Тоуд хвастался тем, что он предпримет в ближайшие дни, а звёзды вокруг них всё разгорались и разгорались, и жёлтая луна, которая молча появилась неизвестно откуда, придвинулась, чтобы побыть с ними и послушать, о чём они говорят. Наконец они улеглись на свои коврики, и мистер Тоуд, блаженно вытягивая ноги под одеялом, сказал сонным голосом:

— Спокойной ночи, ребята! Вот это настоящая жизнь для джентльмена! И не говорите мне больше ни слова о реке.

— Я не говорю о реке, Тоуд, ты же видишь, я ничего не говорю. Но я думаю о ней, — вздохнул Рэт печально. — Я думаю о ней всё время!

Крот высунул лапу из-под одеяла, нащупал в темноте лапу друга и пожал её.

– Я сделаю, как ты захочешь, Рэтти, – прошептал он. – Хочешь, мы завтра рано утром убежим? Очень-очень рано? И вернёмся в нашу милую норку на реке?

– Нет, погоди, уж доведём дело до конца, – ответил дядюшка Рэт тоже шёпотом. – Спасибо тебе. Но я предпочёл бы находиться рядом с мистером Тоудом, пока это путешествие не завершится. Небезопасно оставлять его одного. За ним надо приглядеть. Впрочем, всё скоро кончится. Его причуды недолговечны. Спокойной ночи!

Конец был даже ближе, чем Рэт мог предположить. Надышавшись свежим воздухом и получив массу новых впечатлений, мистер Тоуд спал так крепко, что, сколько его ни трясли утром, встряхнуть его из постели не удалось. Так что дядюшка Рэт и Крот спокойно и мужественно принялись за дела, и, пока дядюшка Рэт обихаживал лошадь, разжигал костёр, мыл оставшуюся от ужина посуду и готовил завтрак, Крот отправился в ближайшую деревню, которая была вовсе не близко, чтобы купить молока и яиц и ещё кое-что необходимое, что мистер Тоуд, конечно, позабыл взять с собой. Когда вся трудоёмкая работа была сделана и оба зверя, уставшие донельзя, присели отдохнуть, на сцене появился мистер Тоуд, свеженький и весёлый, и тут же принялся расписывать, какую приятную и лёгкую жизнь они теперь ведут по сравнению с заботами и хлопотами домашнего хозяйства.

Они прелестно провели этот день, ездили туда-сюда по заросшим травкой холмам, вдоль узеньких переулочков и остановились на ночлег, опять подыскав подходящий пустырь. Но только уж теперь гости следили, чтобы хозяин по-честному делал свою долю работы. А кончилось дело тем, что, когда на следующее утро пришло время трогаться в путь, мистер Тоуд не был в таком уж восторге от простоты кочевой жизни и даже сделал попытку снова улечься на койку, откуда был извлечён силой.

Путешественники двигались по узким деревенским улочкам и только к обеду выехали на большак. Тут катастрофа, стремительная и непредвиденная, буквально обрушилась на них. Катастрофа, которая оказалась решающей в их путешествии и совершенно перевернула дальнейшую жизнь их друга, «достопавного мистера Тоуда».

Они тихонечко двигались по дороге, Крот шагал впереди повозки, возле лошадиной морды, и беседовал с лошадью, потому что лошадь жаловалась, что на неё никто не обращает внимания, а мистер Тоуд и дядюшка Рэт шли позади повозки, разговаривая друг с другом, во всяком случае, Тоуд говорил, а дядюшка Рэт время от времени вставлял: «Да, именно так» или: «А ты что ему ответил?», сам же в это время думал о чём-то совершенно постороннем, когда далеко позади себя они слышали какое-то предупреждающее бормотание, напоминающее отдалённое жужжание пчелы. Оглянувшись, они увидели небольшое облачко пыли, в центре которого находилось что-то очень энергичное, что приближалось к ним с невероятной скоростью, время от времени из-под пыли вырывалось какое-то «би-би», словно невидимый зверь жалобно выл от боли. Почти не обратив на это внимания, друзья вернулись было к прерванной беседе, как вдруг в один миг мирная картина совершенно изменилась. Порывом ветра и вихрем звуков их отбросило в ближайшую канаву, а ЭТО, казалось, несло прямо на них!

«Би-би» нахально ворвалось им прямо в уши, и на мгновение они успели увидеть сверкающее стекло и богатый сафьян, и великолепный автомобиль – огромный, такой, что перехватило дыхание, с шофёром, напряжённо вцепившимся в руль, – на какую-то долю секунды завладел всей землёй и воздухом, швырнул в них окутавшее и ослепившее их облако пыли, уменьшился до размеров пятнышка вдали и снова превратился в пчелу, жужжащую в отдалении.

Старая серая лошадь, которая ступала по дороге, мечтая о своём лужеке возле конюшни, совершенно растерялась в этих суровых обстоятельствах и потеряла над собой контроль. Она стала пятиться, пятиться, не останавливаясь, несмотря на все усилия Крота, не обращая внимания на его призывы к её разуму, она толкала повозку назад и назад к глубокой канаве, что

шла вдоль дороги. Повозка на секунду повисла над бездной, покачнулась, послышалось душе-раздирающее «крак!», и канареечно-жёлтая повозка, их радость и гордость, лежала на боку в канаве, разбитая вдребезги.

Дядюшка Рэт носился взад и вперёд по дороге, не помня себя от злости.

– Эй, вы, негодяи! – кричал он, потрясая обоими кулаками в воздухе. – Вы – мерзавцы! Разбойники с большой дороги! Вы – дорожные... свиньи! Я подам на вас в суд! Я вас по судам затаскаю!

Его тоска по дому мгновенно улетучилась, и он ощущал себя шкипером канареечно-жёлтого судна, посаженного на мель из-за удали моряков судна-соперника, и он пытался припомнить все те прекрасные и ядовитые слова, которыми он пиявил владельцев паровых катеров, когда они подплывали слишком близко к берегу и поднятая ими волна подмывала коврик в его гостиной.

Мистер Тоуд уселся в пыль посреди дороги, вытянул задние лапы и, не отрываясь, глядел туда, где исчез автомобиль. Дышал он прерывисто, на лице откуда-то появилось безмятежное и счастливое выражение, и время от времени он мечтательно бормотал: «Би-би!»

Крот попытался успокоить лошадь, в чём через некоторое время и преуспел. Потом он поглядел на повозку, которая валялась на боку в канаве. Это было действительно печальное зрелище. Все стёкла и панели разбиты вдребезги, оси разбросаны по всему белу свету, птица в клетке плачет и просится, чтобы её выпустили.

Дядюшка Рэт подошёл к Кроту, но даже их общих усилий не хватило, чтобы выровнять разбитую повозку.

– Эй, Тоуд, – закричали они в один голос, – что ты сидишь, иди помоги нам!

Мистер Тоуд не ответил ни словечка, он даже не шелохнулся, и они забеспокоились, что же такое с ним случилось. Он был как зачарованный. Счастливая улыбка играла на губах. Взгляд был устремлён вслед их погубителю. Время от времени он бормотал: «Би-би!» Дядюшка Рэт потряс его за плечо.

– Ты идёшь помогать нам или нет? – спросил он довольно жёстко.

– Великолепное, потрясающее видение... – пробормотал мистер Тоуд, не трогаясь с места. – Поэзия движения. Истинный способ путешествовать. Единственный способ передвигаться! Сегодня – здесь, а завтра уже там, где ты смог бы в другом случае оказаться только через неделю! Прыжок – и ты уже перепрыгнул деревню, скачок – и ты уже перескочил через город! Всегда ты – это чей-то горизонт! О радость! О би-би! О боже мой, боже мой!

– Перестань валять дурака, Тоуд! – прикрикнул Крот.

– Подумать только, что я этого не знал, – продолжал мистер Тоуд всё на той же мечтательной ноте. – О, бессмысленно потраченные мною годы! Ведь я даже и не знал, мне даже и не снилось! Но теперь, когда я знаю, теперь, когда я полностью отдаю себе отчёт! О, какая дорога, усеянная цветами, простирается теперь передо мной! О, какие облака пыли будут расстилаться вслед за мной, когда я буду проноситься мимо с таким беззаботным видом! Какие кареты я буду опрокидывать в канавы, шикарно проносясь мимо них и даже не оглядываясь! Глупые, жалкие повозки, ничтожные повозки, канареечно-жёлтые повозки!

– Что с ним делать? – спросил Крот у своего друга.

– Да ничего, – ответил дядюшка Рэт твёрдо. – Потому что мы ничего и не сможем сделать. Видишь ли, я-то его давно знаю. Теперь на него наехало. У него снова бзик. Это сразу не пройдёт. Будет бредить, как лунатик, погружённый в прекрасный сон, и толку от него никакого не будет. Не обращай на него внимания. Пойдём поглядим, что можно сделать с повозкой.

Тщательное исследование показало, что, если бы им даже, паче чаяния, и удалось поднять повозку, к дальнейшему использованию она всё равно уже непригодна. Оси совершенно поломались, а откатившееся колесо просто разлетелось в щепки.

Дядюшка Рэт связал вожжи узлом и закинул их на спину лошади, взял её под уздцы, а в свободную лапу – клетку с её истеричной обитательницей.

– Пошли, – сказал он Кроту с мрачным видом. – До ближайшего городка не то пять, не то шесть миль, и нам предстоит пройти их пешком. Чем скорей мы пойдём, тем лучше.

– А что же будет с мистером Тоудом? – обеспокоенно спросил Крот, когда они тронулись в путь. – Как же мы оставим его посреди дороги, ведь он явно не в себе? Это даже опасно. Представь себе, что ещё одно ЭТО промчится по дороге?

– Наплевать на него! Я с ним больше дела иметь не желаю!

Но не успели путники пройти и десяти шагов, как за спиной у них послышалось шлёпанье ног, и мистер Тоуд присоединился к ним, взял их обоих под ручку и, всё ещё задыхаясь, снова вперил свой взор в пустоту.

– Послушай-ка, Тоуд, – резко обратился к нему дядюшка Рэт, – как только мы доберёмся до города, ты должен сразу же отправиться в полицейский участок, узнать, что им известно про этот автомобиль и кто его хозяин, и подать на него жалобу. А потом тебе надо найти кузнеца или колёсника и позаботиться, чтобы повозку доставили в город и привели в порядок. Это, конечно, займёт время, но она не совсем безнадежно поломана. Мы с Кротом пока сходим в гостиницу и снимем удобные номера, где мы могли бы пожить, пока повозку чинят. За это время ты немножко отойдешь от пережитого потрясения.

– Участок? Жалоба? – бормотал мистер Тоуд, будто во сне. – Мне? Мне жаловаться на это прекрасное, небесное видение, которого я был удостоен? Чинить повозку? Я навсегда покончил с повозками! Я больше никогда и не взгляну на повозку, я даже и слышать о ней ничего не желаю. О, Рэтти! Ты даже и не знаешь, как я вам благодарен, что вы согласились на это путешествие. Я бы один без вас не поехал, и тогда... тогда бы мне никогда бы не явился этот лебедь, этот луч солнца, этот громовой удар! Этот обворожительный звук никогда не коснулся бы моего уха, а этот колдовской запах – моего обоняния. Я всем обязан вам, мои самые лучшие друзья!

Дядюшка Рэт отвернулся от него в полном отчаянии.

– Теперь ты видишь, – обратился он к Кроту поверх головы обезумевшего приятеля. – Он безнадежен. Я сдаюсь. Как только мы дойдём до города, отправимся тут же на вокзал, и, если нам повезёт, мы ещё сегодня к вечеру доберёмся домой, на берег Реки. И если только ты когда-нибудь обнаружишь, что я снова отправился на увеселительную прогулку с этим противным типом... – Он фыркнул и все свои дальнейшие слова на протяжении их утомительного пути адресовал исключительно Кроту.

Прибыв в город, они тут же отправились на вокзал и поместили своего незадачливого приятеля в зал ожидания второго класса, дав носильщику два пенса и строго наказав не спускать с него глаз. Потом они пристроили лошадь в гостиничной конюшне и отдали кое-какие распоряжения относительно повозки и её содержимого. И вот наконец почтовый поезд высадил их на станции недалеко от Тоуд-Холла, и они проводили зачарованного, грезящего наяву хозяина до самой двери, ввели внутрь, велели экономке, чтобы она его покормила, раздела и уложила в постель. После этого они вывели свою лодку из лодочного сарая и поплыли вниз по реке, к себе домой. Уже совсем поздним вечером они сели поужинать в своей уютной гостиной в речном домике, к величайшей радости и удовлетворению дядюшки Рэта. Весь следующий день дядюшка Рэт провёл, нанося визиты друзьям и болтая с ними о том о сём, а к вечеру отыскал Крота, который к тому времени хорошо выспался и в прекрасном настроении сидел с удочкой на берегу.

– Слыхал новости? – сказал Рэт. – По всему берегу только об этом и говорят. Тоуд отправился в город первым поездом. Там он купил себе самый большой и самый дорогой автомобиль.

Глава третья

Дремучий лес

Кроту уже давно хотелось познакомиться с Барсуком. По тому, как о нём говорили, Крот заключил, что Барсук – очень важная фигура и, хотя он редко появлялся, его влияние на всех отчётливо ощущалось. Но когда бы Крот ни обратился с просьбой к дядюшке Рэту, тот каждый раз отвечал очень неопределённо.

– Хорошо, хорошо, – говорил дядюшка Рэт. – Он сам как-нибудь появится, тогда я тебя с ним познакомлю. Отличный парень! Но ты должен принимать его не только таким, какой он есть, но и когда он есть.

– А ты не мог бы пригласить его сюда, устроить, например, званый обед или что-нибудь такое? – спросил Крот.

– Да он не придёт, – просто ответил дядюшка Рэт. – Барсук ненавидит общество, и приглашения, и обеды, и всё такое в этом духе.

– Ну а предположим, мы с тобой сами ходим к нему?

– Я убеждён, что ему это решительно не понравится, – сказал дядюшка Рэт с тревогой. – Он такой застенчивый, да нет, он бы просто на нас обиделся! Я ещё ни разу не решился явиться к нему в дом, хотя мы с ним очень давно знакомы. Кроме того, нам просто нельзя. Он живёт в самой середине Дремучего Леса.

– Ну и что? – заметил Крот. – Помнишь, ты же говорил, что там нет ничего особенного.

– Ну говорил, – ответил дядюшка Рэт уклончиво. – Но мы пока что туда не пойдём. Не сейчас, понимаешь? Это очень далеко, и в это время года он, во всяком случае, не бывает дома, и вообще он сам придёт, ты подожди.

Кроту пришлось удовлетвориться этим объяснением. Но Барсук всё не появлялся, а каждый день приносил свои развлечения, и так продолжалось до того времени, пока лето окончательно не ушло и холод, дождь и раскисшие дороги не заставили сидеть дома, а набухшая река неслась мимо окон с такой скоростью, что ни о какой гребле даже и подумать было невозможно. В это время Крот снова поймал себя на том, что мысли его неотступно вертятся вокруг Барсука, который живёт своей непонятной жизнью совершенно один в своей норе в самой глуши Дремучего Леса.

Зимой дядюшка Рэт много спал: рано ложился, а по утрам вставал очень поздно. В течение короткого дня он сочинял стихи или занимался какими-нибудь другими домашними делами, и, конечно, кто-нибудь из зверей постоянно заглядывал к ним поболтать. Само собой, было много рассказов, полных интересных наблюдений и всяких удачных сравнений, все пускались в воспоминания о лете и о том, каким оно выдалось.

О, лето было роскошной главой в великой книге Природы, если внимательно в неё вчитаться. С бесчисленными иллюстрациями, нарисованными самыми яркими красками! Они изображали весь нескончаемый пёстрый карнавал, который разворачивался на берегу реки прекрасными живыми картинами. Первым появился алый вербейник, потряхивая спутанными локонами, заглядывая с берега в зеркало реки и улыбаясь собственному отражению. А потом не задержался и кипрей, нежный и задумчивый, как облако на закате. Окопник белый, взявшись за руки с алым, приполз следом. Наконец однажды утром застенчивый и робкий шиповник тихо ступил на сцену, и каждому становилось так очевидно, как будто об этом возвестили аккорды струнного оркестра, переходящие в гавот, что июнь окончательно наступил. На сцене ожидался ещё один персонаж – пастушок, который будет резвиться с нимфами, рыцарь, которого дамы ждут у окошек, принц, который поцелует пробудит к жизни спящую принцессу –

лето. И когда таволга, весёлая и добродушная, одетая в благоухающий кремовый камзолчик, заняла своё место, то всё было готово на сцене, чтобы летний спектакль начался.

Ах, какой это был спектакль! Сонные звери, укрывшись от дождя и ветра, стучавших в двери, в своих уютных норках, вспоминали ясные рассветы за час до восхода солнца, когда туман, ещё не успевший рассеяться, тесно прилегал к поверхности воды. Нырнѐшь в холодную воду и бежишь по берегу, чтобы согреться. А вслед за этим появлялось солнце, и преображались земля, вода и воздух. Серое становилось золотым, и рождался цвет от того, что солнце снова с ними. Они вспоминали послеобеденную лень жаркого летнего полудня, когда можно было зарыться в густой травяной подлесок и чувствовать, как солнышко проникает туда маленькими золотыми пятнышками. А потом купание и катание по реке, прогулки вдоль пыльных улочек и по тропинкам среди спелой пшеницы. А после этого, наконец, – длинные вечера, когда завязывались ниточки добрых отношений, возникали дружеские связи, составлялись планы на завтрашний день. Было о чём поговорить в короткие зимние дни, когда звери собирались возле камина. Но у Крота всё-таки оставалась ещё горсточка свободного времени, и вот однажды, когда дядюшка Рэт, сидя в кресле возле огня, то задрѐмывал, то пытался срифмовать слова, которые никак не рифмовались, он принял решение пойти самому и изучить Дремучий Лес и, может, завязать знакомство с Барсуком.

Стоял тихий холодный день, небо над головой было стального цвета, когда он шмыгнул наружу из тёплой гостиной. Земля вокруг была гола и безлистна, и он подумал, что никогда ещё не заглядывал так глубоко в суть вещей, как в этот зимний день, когда природа была погружена в свой ежегодный сон и точно сбросила с себя все одежды. Холмы и лощины, карьеры и все скрытые листьями местечки, которые летом казались таинственными копиями, интересными для исследования, теперь были печально доступны со всеми их секретами и, казалось, просили пока не замечать их неприкрытой бедности, доколе они снова не наденут свои богатые маскарадные костюмы и не очаруют опять своими прежними обманами. С одной стороны, всё это выглядело жалко, а с другой – вселяло надежду и даже подбадривало. Его радовало то, что он по-прежнему любит землю, неприкрашенную, застывшую, лишѐнную наряда. Он разглядел её, что называется, до костей, и кости эти оказались красивы, крепки и естественны. Он сейчас вовсе и не мечтал о тёплых зарослях клевера или о шелесте заколосившихся трав. Ветки живой изгороди без листьев, голые сучья бука и вяза казались красивыми, и в бодром настроении он шѐл, не останавливаясь, в сторону Дремучего Леса, который чернел внизу, точно грозный риф в каком-нибудь тихом южном море.

Поначалу, когда он только вошѐл в лес, его ничто не встревожило. Сухие сучки потрескивали под ногами, поваленные деревья перегораживали путь, грибы на стволах напоминали карикатуры, пугая его в первый момент своей похожестью на что-то знакомое, но далѐкое. Всѐ это казалось ему поначалу забавным и весѐлым. Но лесная глубь понемногу заманивала, и он уже проникал туда, где было таинственно и сумеречно, где деревья начинали подкрадываться к нему всё ближе, а дупла стали кривить рты. Здесь было очень тихо, темнота надвигалась неуклонно, быстро, сгущаясь и спереди и позади него, а свет как бы впитывался в землю, как вода в половодье. И вдруг стали появляться гримасничающие рожицы. Сначала ему показалось, что он неясно увидел где-то там, из-за плеча, чѐ-то лицо: маленькую злую клинообразную рожицу, которая глядела на него из дупла. Когда он повернулся и поглядел на неё в упор, она исчезла.

Он ускорил шаги, бодро убеждая самого себя не позволять себе воображать всякое, а то этому просто конца не будет. Он миновал ещё одно дупло, и ещё одно, и ещё, а тогда – ну да! да нет! ну да, конечно! – маленькое узкое личико с остренькими глазками, оно мелькнуло на мгновение и скрылось в дупле. Он заколебался, потом подбодрил сам себя и, сделав усилие, пошѐл дальше. И потом вдруг – точно они были там всё время – у каждого дупла, а их были

сотни, вблизи и в отдалении, оказалась своя рожица, которая появлялась и тут же исчезала, и каждая делала гримасу или вперяла в него злобный, ненавидящий взгляд.

Если бы, думалось ему, он мог оторвать свой взгляд от этих углублений в стволах, похожих на отверстия органных труб, эти мерзкие видения немедленно прекратились бы. Он покинул тропу и устремился в нехоженный лес.

Тогда вдруг послышался свист. Когда Крот впервые его услышал где-то далеко за спиной, свист был пронзительный, но негромкий. Но он всё же заставил Крота поспешить. Такой же пронзительный, но негромкий свист, зазвучавший далеко впереди, привёл его в замешательство, внушив желание вернуться. Когда он в нерешительности остановился, свист вдруг возник сразу справа и слева, казалось, что кто-то этот свист ловит и передаёт дальше через весь лес, до самого отдалённого уголка. Эти, которые передавали свист, были бодры и энергичны и ко всему готовы. А Крот... Крот был один и невооружён, и на помощь звать ему было решительно некого, а ночь уже наступала.

И тогда вдруг послышался топот. Он подумал, что это падают сухие листья, такой лёгкий и нежный был этот звук сначала. Потом, постепенно нарастая, звук приобрёл свой ритм, и его ни за что другое и принять было нельзя, как за топ-топ-топ маленьких ножек, топающих пока что очень далеко. Спереди или сзади он доносился? Сначала казалось, что спереди, потом – сзади, потом – и оттуда и оттуда сразу. Топот рос и умножался, пока он не стал слышен отовсюду, и, казалось, надвигался и окружал его. Когда он встал неподвижно и прислушался,

он увидел несущегося прямо через чащу кролика. Он ожидал, что кролик приостановится или, наоборот, кинется от него в сторону. Вместо этого зверёк мазнул по нему боком, проскакивая мимо, мордочка искажена, глаза огромные.

– Спасайся, дурак, спасайся! – услышал Крот его бормотание, когда кролик, завернув за ствол дерева, скрылся в норке каких-то своих знакомых.

Топот усилился, зазвучал как внезапный град, ударивший по ковру из сухих листьев. Теперь казалось, будто весь лес куда-то мчался, бежал, догонял, устремляясь к чему-то или к кому-то. Крот тоже в панике побежал, без цели, не зная, куда и зачем. Он на что-то натёкался, во что-то проваливался, под чем-то проскакивал, от чего-то увёртывался. Наконец он укрылся в глубокой тёмной расщелине старого вяза, которая казалась уютной, надёжной, может, даже и безопасной, хотя кто мог знать наверное? Так или иначе, он слишком устал, чтобы бежать дальше, у него хватило сил, чтобы свернуться калачиком на сухих, занесённых в расщелину ветром листьях, в надежде, что здесь он в безопасности хоть на время. И пока он так лежал и дрожал, не в силах успокоить дыхание, прислушиваясь к топоту и свисту в лесу, он наконец-то понял, понял до самого доньшка то, что называется страхом и с чем сталкиваются жители полей, лесов и разных зарослей, то, что испытывают они в самые тёмные минуты своей жизни, от чего дядюшка Рэт тщетно пытался его оградить, – Ужас Дремучего Леса!

Тем временем дядюшка Рэт в тепле и уюте дремал возле своего камина. Листочек с неоконченным стихотворением соскользнул с колен, голова откинулась, рот приоткрылся, а сам он уже бродил по зелёным берегам текущих во сне речек. Затем уголёк в камине осыпался, дрова затрещали, пыхнули язычком пламени, и он, вздрогнув, проснулся. Вспомнив, чем он занимался, перед тем как задремать, он нагнулся и поднял с пола стихи, попытался вникнуть в них, потом оглянулся, ища глазами Крота, чтобы спросить, не придёт ли ему в голову подходящая рифма.

Но Крота не было.

Он прислушался. В доме было очень тихо.

Тогда он позвал:

– Кро-от! Дружочек! – несколько раз и, не получив ответа, вышел в прихожую.

Шапки Крота на вешалке не было. Его галоши, которые обычно стояли возле подставки для зонтов, тоже отсутствовали.

Дядюшка Рэт вышел из дома и тщательно обследовал размокшую поверхность земли, надеясь найти его следы. Следы, конечно, отыскились. Галоши были новые, остренькие пупырышки на подошвах ещё не стёрлись. Он видел их отпечатки в грязи, ведущие прямо в сторону Дремучего Леса. Минуту-другую дядюшка Рэт постоял в задумчивости. Вид у него был очень мрачный. Потом он вернулся в дом, обвязался ремнём, сунул за него пару пистолетов, взял в руки дубинку, которая стояла в прихожей в углу, и быстрыми шагами двинулся по Кротовым следам.

Уже наступили сумерки, когда он добрался до опушки и без колебаний погрузился в лес, с тревогой глядя по сторонам, высматривая хоть какой-нибудь признак присутствия своего друга. То тут, то там злые рожицы выглядывали из дупел, но тут же исчезали при виде доблестного зверя, его пистолетов, его здоровенной серой дубинки, зажатой в лапах; и свист, и топот, которые он отчётливо слышал, как только вошёл в лес, постепенно смолкая, совсем замерли, стало очень тихо. Он мужественно шёл через весь лес в самый дальний его конец. Потом он плюнул на тропинки и стал ходить поперёк леса, всё время громко окликая:

– Кротик! Кротик! Кротик! Где ты? Это я, твой друг, Рэт!

Он терпеливо обыскивал лес уже в течение часа, а может, и больше, когда наконец, к своей радости, услышал тихий отклик. Идя на голос, он пробирался сквозь сгущающуюся темноту к комлю старого вяза с расщелиной, откуда и доносился слабенький голосок:

– Рэтти! Неужели это в самом деле ты?

Дядюшка Рэт заполз в расщелину и там обнаружил Крота, совершенно измученного и всё ещё дрожащего.

– О, Рэт! – закричал он. – Как я перепугался, ты не можешь себе представить!

– Вполне, вполне понимаю, – сказал дядюшка Рэт успокаивающим тоном. – Тебе не стоило ходить, Крот. Я изо всех сил старался тебя удержать. Мы, те, кто живёт у реки, редко ходим сюда поодиночке. Если уж очень понадобится, отправляемся хоть бы вдвоём, так оно бывает лучше. Кроме того, есть тысяча вещей, которые надо знать, мы в них разбираемся, а ты пока что – нет. Я имею в виду всякие там пароли, и знаки, и заговоры, и травы, которые при этом должны быть у тебя в кармане, и присловья, которые ты при этом произносишь, и всякие уловки и хитрости, которые совсем просты, когда ты их знаешь, но их обязательно надо знать, если ты небольшой и несильный или если ты попал в затруднительное положение. Конечно, когда ты Барсук или Выдра, тогда совсем другое дело.

– Уж наверное, доблестный мистер Тоуд не побоялся бы прийти сюда один, правда? – спросил Крот.

– Старина Тоуд? – переспросил дядюшка Рэт, смеясь от души. – Да он сам носа сюда не покажет, насыпь ты ему полную шапку золотых монет. Кто угодно, только не он!

Крота очень ободрил беззаботный смех друга, так же как и вид его дубинки и двух сверкающих пистолетов, и он перестал дрожать и почувствовал себя смелее и понемногу стал приходить в нормальное расположение духа.

– Ну вот, – сказал дядюшка Рэт, – теперь нам с тобой надо взять себя в руки и отправиться домой, пока осталась ещё хоть капелька света. Не годится тут ночевать, ты сам понимаешь. Слишком холодно, и вообще...

– Милый Рэтти, – сказал несчастный Крот. – Мне очень жаль, но я просто не в силах двинуться от усталости, и с этим ничего не поделаешь. Ты должен дать мне отдохнуть ещё чуточку, чтобы ко мне вернулись силы, если они вообще хоть когда-нибудь вернуться.

– Хорошо, хорошо, – сказал добросердечный Рэт. – Валяй отдыхай. Всё равно уже ни зги не видно, а попозже, может, покажется молодой месяц.

Таким образом, Крот хорошенечко зарылся в сухие листья, вытянулся и вскоре заснул. Правда, сон его был беспокойным и прерывистым. А дядюшка Рэт тоже, кое-как накрывшись листьями, чтоб было потеплее, прилёг и стал терпеливо ждать, держа на всякий случай пистолет наготове.

Когда Крот наконец, отдохнувший и бодрый, проснулся, дядюшка Рэт сказал:

– Ну, я сейчас погляжу, всё ли снаружи спокойно, и нам уже в самом деле пора.

Он подошёл ко входу в их убежище и высунул голову наружу. Затем Крот услышал, как он спокойно сказал самому себе:

– Ого! Ого! Вот это да!

– Что происходит, Рэtti? – спросил Крот.

– Снег происходит. А вернее, просто идёт. Снегопад, вот что.

Крот, присев на корточки рядом с дядюшкой Рэтом, выглянул из укрытия и увидел, что лес совершенно изменился. Ещё совсем недавно он казался ему таким страшным! Ямы, дупла, лощины, лужи, рытвины и другие чёрные угрозы путешествующему быстро исчезали, сияющий волшебный ковёр возникал повсюду и казался слишком нежным для грубых шагов. Тонкая белая пыльца наполняла воздух, ласково касаясь щеки крошечными иголочками, а чёрные стволы деревьев выступали как бы подсвеченные необычным, идущим от земли светом.

– Так, так, ну, ничего не поделаешь, – сказал дядюшка Рэт, немного поразмыслив. – Мне кажется, Крот, нам надо двигаться и не терять присутствия духа. Хуже всего то, что я не знаю точно, где мы находимся. И к тому же этот снег всё изменил, и всё выглядит совершенно иначе!

Действительно, всё кругом изменилось до неузнаваемости. Крот ни за что бы не догадался, что это тот же самый лес. Но делать было нечего, и они отважно двинулись в путь, выбрав направление, которое казалось наиболее обещающим. Они шли, держась за лапы и подбадривая себя тем, что оба притворялись, будто узнают старого друга в каждом следующем дереве, мрачно и молча их приветствовавшем. Или находили полянки, прогалины и тропинки с якобы знакомым изгибом, который перебивал монотонную одинаковость белизны и древесных стволов, упрямо отказывавшихся отличаться друг от друга.

Час или два спустя они совсем утратили ощущение времени. Они остановились, уставшие, потерявшие всякую надежду, решительно не зная, что дальше делать, и сели на поваленный ствол перевести дух и хоть прикинуть, как же им быть. У них всё ныло и болело от усталости и ушибов. Они несколько раз проваливались в ямы и вымокли насквозь. Снегу нападало столько, что они едва брели через сугробы, с трудом переставляя свои маленькие лапки, а деревья росли всё чаще и чаще и были уж совсем неотличимы одно от другого. Казалось, этому лесу нет конца, и начала у него тоже нет, нет и никакой разницы в любом его месте, и что самое худшее – выхода из него тоже никакого нет.

– Мы не можем тут долго рассиживаться, – сказал дядюшка Рэт. – Надо нам ещё раз попытаться выбраться или вообще что-нибудь предпринять. С таким холодом не шутят, а снег скоро сделается глубокий-глубокий, настолько, что нам через него вброд не перейти.

Он огляделся вокруг и сказал:

– Послушай, вот что приходит мне в голову. Видишь, вон там, чуть пониже, лощина, там земля какая-то маленько горбатая, кочковатая какая-то, вроде изрытая. Давай спустимся туда, попробуем поискать какое-нибудь убежище, какую-нибудь пещерку или норку с сухим полом, где можно укрыться от этого пронзительного ветра и снежной завирухи. Там мы хорошенечко отдохнём, а потом снова попробуем выбраться, а то мы с тобой оба до смерти устали. Кроме того, снег может перестать или ещё вдруг найдётся какой-нибудь выход.

Они снова поднялись и, с трудом пробираясь, пошли в сторону лощины в поисках пещерки или хоть подветренного уголка, который укрыл бы их от ветра и метели. Они как раз осматривали тот кочковатый участок, о котором говорил дядюшка Рэт, когда Крот споткнулся и, взвизгнув, полетел на землю ничком.

– Ой, лапа! Ой, моя бедная лапа!

И он уселся прямо на снег, обхватив заднюю лапу передними.

– Бедняжка! – посочувствовал дядюшка Рэт. – Ну, скажи, как тебе сегодня не везёт, а! Ну-ка, покажи лапу. Конечно, – продолжал он, опускаясь на колени, чтобы получше рассмотреть, – лапа порезана, никаких сомнений. погоди, сейчас я достану платок и перевяжу.

– Я, должно быть, споткнулся о сучок или пень, – сказал Крот печально. – Ой, как болит!

– Уж очень ровный порез, – заметил Рэт, внимательно рассматривая лапу. – Нет, никакой это не сучок и не пень. Это порезано острым краем чего-то металлического. Странно! – Он на минуту задумался и стал исследовать близлежащие рытвины и кочки.

– Какая тебе разница, об чего я порезался? – сказал Крот, от боли забывая, как надо говорить правильно. – Всё равно больно, обо что бы я ни порезался.

Но дядюшка Рэт, после того как крепко стянул ранку платком, не обращая внимания на Крота, стал изо всех сил раскапывать снег. Он разгребал его, копал, расшвыривал всеми четырьмя лапами, а Крот взирал на него нетерпеливо, время от времени вставляя:

– Ну, Рэт, ну пошли же!

И вдруг дядюшка Рэт закричал:

– Ура!

И потом:

– Уррра! Урра-ра-ра!

И начал из последних сил отплясывать джигу прямо на снегу.

– Что ты нашёл, Рэтти? – спросил Крот, всё ещё держа заднюю лапу обеими передними.

– Иди и посмотри! – сказал дядюшка Рэт в восторге, продолжая плясать.

Крот дохромал до того места и внимательно посмотрел.

– Ну и что, – сказал он с расстановкой, – я вижу достаточно хорошо. Я видел такую штуку тысячу раз и раньше. Знакомый предмет, я бы сказал. Скоба для того, чтобы счищать грязь с обуви. Что из этого? Чего выплясывать вокруг железной скобы?

– Но неужели ты не понимаешь, что это значит для нас? – воскликнул дядюшка Рэт нетерпеливо.

– Я понимаю, что это значит, – ответил Крот. – Это обозначает, что какой-то беззаботный и рассеянный тип швырнул этот предмет посреди Дремучего Леса, где об него обязательно споткнётся любой прохожий. Довольно бездумный поступок, я бы сказал. Когда мы доберёмся до дому, я непременно пожалуюсь... кому-нибудь, вот увидишь.

– О господи! О господи! – воскликнул дядюшка Рэт в отчаянии от такой тупости. – Сейчас же перестань разглагольствовать, иди и разгребай снег!

И он сам тут же принялся за работу, и снег летел во все стороны.

Его дальнейшие старания опять увенчались успехом, и на свет появился довольно потёртый дверной коврик.

– Видал, что я тебе говорил! – воскликнул он с торжеством.

– Ничего ты мне не говорил, – заметил Крот, что было истинной правдой. – Ну, нашёл ещё один предмет, ну, домашний предмет, изношенный и выброшенный за ненадобностью, чему, как я вижу, ты безумно радуешься. Лучше давай быстренько спляши джигу вокруг него, если тебе так уж хочется, и, может, мы пойдём дальше и не будем больше тратить время на помойки. Его что, по-твоему, едят, этот коврик? Или, может быть, спят под ним? Или можно на нём по снегу поехать домой, как на санях-самоходах, а? Ты, несносный грызун!

– Ты... хочешь... сказать, – закричал дядюшка Рэт, волнуясь, – что этот коврик тебе ничего не говорит?!

– На самом-то деле, Рэт, – отозвался Крот с раздражением, – хватит уж этих глупостей! Ну скажи, кто и когда слышал, чтобы дверные коврики умели говорить? Они не разговаривают. Они совсем не такие. Они знают своё место.

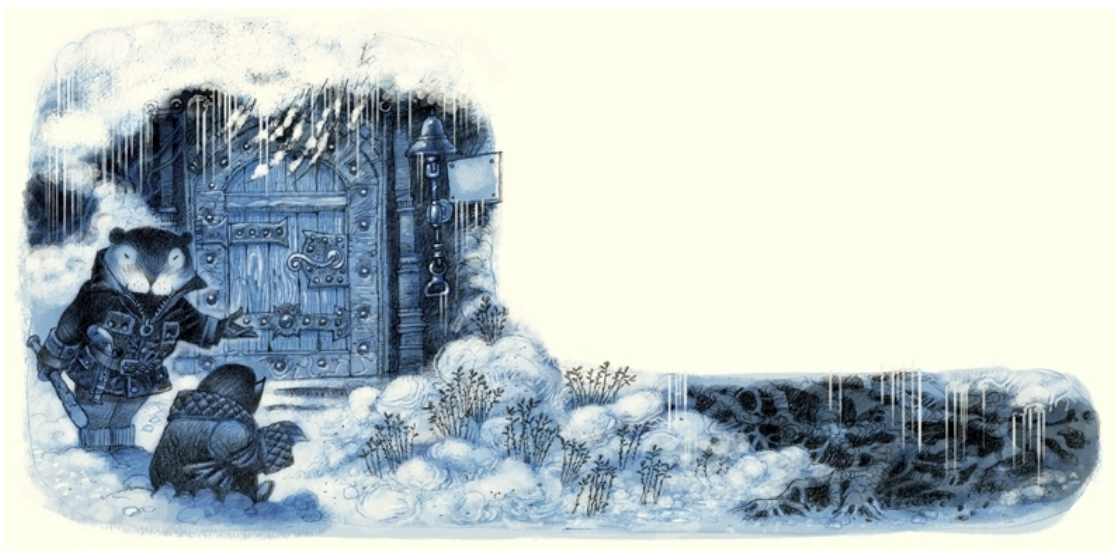
– Да послушай ты, ты – толстолобый зверь! – ответил дядюшка Рэт, уже по-настоящему сердясь. – Кончай болтать. Молчи и копай. Копай, рой, скреби и ищи. Особенно там, где пригорочки, если ты хочешь спать эту ночь на сухом и в тепле, потому что это наша самая последняя возможность!

И дядюшка Рэт с жаром набросился на соседний сугроб, ощупывая всё вокруг своей дубинкой и яростно раскапывая снег.

Крот тоже озабоченно копал, больше для того, чтобы не огорчать друга, чем с какой-либо другой целью, потому что, как он считал, его друг просто понемножечку сходил с ума.

Минут десять усердной работы, и дубинка наткнулась на что-то, что отозвалось пустотой. Рэт копал до тех пор, пока не сумел просунуть лапу и пощупать, потом попросил Крота, чтобы он подошёл помочь ему. Оба зверя стали изо всех сил копать и копали до тех пор, пока даже Кроту не стало ясно, зачем они это делали. В том, что казалось на первый взгляд сугробом, обнаружилась крепкого вида дверь, выкрашенная в тёмно-зелёный цвет. Сбоку висела железная петля звонка, а чуть ниже была укреплена небольшая медная табличка, на которой были красивыми, аккуратными буквами выгравирована надпись, которую они прочли при свете луны:

МИСТЕР БАРСУК

Крот повалился в снег от удивления и восторга.

– Рэтти! – закричал он в раскаянии. – Ты чудо! Настоящее чудо, вот кто ты! Теперь я всё понял! Ты всё это вычислил шаг за шагом в твоей мудрой голове с того самого момента, как я упал и порезал лапу! Ты увидел порез, и тут же твой проницательный ум сказал тебе: «Не иначе как железная скоба!» Тогда ты взялся копать и отыскал эту самую скобу. Но остановился ли ты на этом? Нет! Кто-нибудь мог бы, но только не ты! Твой интеллект продолжал трудиться. «Найти бы мне теперь дверной коврик, – сказал ты самому себе, – и тогда моя теория подтвердится». И конечно, ты находишь коврик. Ты, Рэт, такой умный, что ты мог бы найти чего бы ты только ни захотел. «Ну, так эта дверь существует, словно я видел её своими глазами. И ничего другого не остаётся, как её обнаружить». Ну конечно, я читал про такие вещи в книгах, но я никогда не встречался с этим в жизни. Тебе бы надо отправиться туда, где тебя по-настоящему оценят. Ты же тут среди нас, простых ребят, пропадаешь. Если бы у меня была такая голова, как у тебя, Рэтти...

– Но поскольку её у тебя нет, – прервал его дядюшка Рэт довольно сердито, – я думаю, что ты, разглагольствуя, просидишь всю ночь на снегу. Немедленно поднимайся, хватайся за петлю и звони, а я буду стучать.

Пока дядюшка Рэт стучал, накидываясь на дверь со своей дубинкой, Крот набросился на звонок, чуть ли не повис на железной петле и раскачивался на ней, болтая обеими задними лапами в воздухе, и было слышно, что где-то вдали, в глубине отзывается колокольчик.

Глава четвёртая

Дядюшка Барсук

Они терпеливо ждали, перетаптываясь с ноги на ногу, чтобы вконец не озябнуть, и ждали, как им показалось, довольно долго. Наконец они услышали медленное шарканье, которое приближалось к двери изнутри. Кроту представилось, будто кто-то идёт в кожаных шлёпанцах, которые ему велики и у которых стоптаны задники. Так оно и было на самом деле.

Послышался звук отодвигаемого засова, дверь приоткрылась всего на несколько дюймов, как раз настолько, чтобы можно было просунуть длинную мордочку и глянуть парой заспанных глазок.

– Так, если это повторится ещё раз, – сказал недовольный голос, – я ужасно рассержусь. Кто это смеет беспокоить жителей в это время и в такую ночь? Ну-ка, отвечайте.

– Барсук! – закричал дядюшка Рэт. – Впусти нас, пожалуйста, это я, Рэт, и мой друг, Крот, мы заблудились в снегу.

– Что? Рэтти? Мой милый дружище! – воскликнул дядюшка Барсук уже совсем другим голосом. – Входи же, оба входите, скорее. Боже мой, да вы, должно быть, прямо погибаете! Подумать только! Заблудились в снегу! И не где-нибудь, а в Дремучем Лесу да ещё в такую поздноту! Ну давайте входите, входите.

Оба путника чуть ли не перекувырнулись друг через друга, так им хотелось поскорее попасть внутрь, и оба с удовольствием и облегчением услышали, как за ними захлопнулась дверь.

На Барсуке был длинный халат и действительно совершенно стоптанные шлёпанцы, он держал в лапе плоский ночник и, скорее всего, направлялся в спальню, когда его застиг их настойчивый стук. Он посмотрел на них и по-доброму каждого потрепал по голове.

– Это вовсе не такая ночь, когда маленьким зверькам можно бродить по лесу, – сказал он отечески. – Боюсь, это всё твои проказы, Рэтти. Ну, идёте, идёте на кухню. Там пылает камин, и ужин на столе, и всё такое прочее.

Он шёл, шаркая, неся перед собой свечу, а они в приятном ожидании следовали за ним, подталкивая друг друга по длинному, мрачному и, по правде говоря, довольно обшарпанному коридору в прихожую, от которой, как им показалось, расходились другие коридоры и переходы, таинственные и на вид бесконечные. Но в прихожую выходили также ещё и крепкие, дубовые двери. Одну из них дядюшка Барсук распахнул настежь, и они сразу же очутились в тепле и свете большой, с пылающим камином, кухни. Пол в кухне был из старого, исшарканного кирпича, в огромном устье камина пылали брёвна, в углу – уютное место для отдыха, исключавшее самую мысль о сквозняке. Там стояли два кресла с высокими спинками, лицом

обращённые друг к другу, приглашая расположенных к беседе гостей посидеть в них. Посередине помещения стоял длинный стол, сколоченный из простых досок, положенных на козлы, вдоль стола по обеим сторонам тянулись две скамьи. В торце стола, возле которого стояло отодвинутое кресло, были видны остатки ужина, простого, но обильного. Ряды чисто вымытых тарелок подмигивали с полок буфета, стоящего в дальнем углу кухни, а с балок над головой свешивались окорока, пучки высушенных трав, сетки с луком, корзины, полные яиц. Казалось, что в этом месте доблестное воинство вполне могло бы устроить пир после славной победы над врагом, или сборщики урожая, человек сто, могли бы отпраздновать Праздник Урожая с песнями и плясками, или, на худой конец, двое-трое закадычных друзей без больших запросов могли бы удобно усестись за этим столом, посидеть, покурить, поболтать всласть. Рыжеватый кирпичный пол посылал улыбки продымлённому потолку, дубовые табуретки, отполированные до блеска частым употреблением, обменивались бодрыми взглядами друг с другом, тарелки в буфете подмигивали кастрюлькам на полках, а весёлый отсвет камина играл решительно на всём без всякого разбора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.